

ПРОЩАЕМСЯ, НО НЕ РАССТАЕМСЯ

Трун. - 1996 - 27 авг. - с. 5

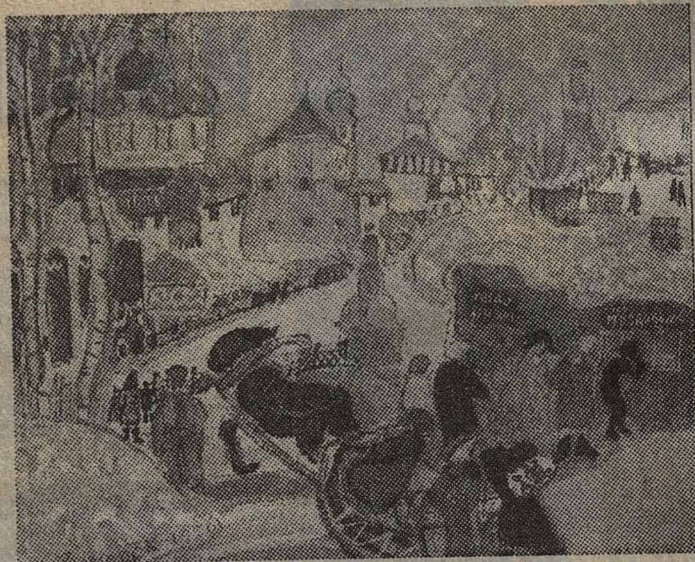
Не стало Татьяны Алексеевны Мавриной — старейшей русской художницы (ей было 95 лет), до последних дней продолжавшей активно работать. Уже в полубессознательном состоянии она отвечала на тревожные расспросы близких, почему она все время двигает руками: «Разбираю рисунки...»

Ее долгая творческая жизнь была подобна реке, питаемой множеством родников. Она и родилась на Волге, возле Нижнего Новгорода, в Городце, о народной живописи которого впоследствии написала прекрасный очерк. Затем был московский, многократно прославленный и столь же напористо хулимый Вхутемас — Высшие художественно-технические мастерские, этот гудящий улей двадцатых годов, где трудилась, спорила, искала, ошибалась и окрылялась тогдашняя творческая молодежь. Была группа «13-ти» (по числу учас-

тников), подвергавшаяся жестокой и несправедливой критике, где судьба свела Татьяну Алексеевну с такими замечательными мастерами, как Владимир Милашевский и ее будущий муж Николай Кузьмин, влюбленный, как и она, в Пушкина и прославившийся блистательными иллюстрациями к «Евгению Онегину».

В этой среде культивировался метод быстрого, живого изображения наблюдаемой действительности, который во многом лег в основу всего последующего творчества Мавриной, стремившейся, по ее собственному выражению, отобразить «жизнь саму по себе, как она течет и утекает бесследно, если ее не зарисовать». В дальнейшем зоркий (хочется сказать — глазастый) талант художницы был обогащен тщательным изучением отечественной иконописи и лубка, живописные традиции которых любовно и в то же время дерзко, самостоятельно притворены в мавринских работах — ее поистине бесчисленных пейзажах, жанровых сценах, красочных букетах.

В годы войны художница начала серию «портретов» сорока сороков московских церквей, желая навсегда сохранить их неповторимый облик. Затем эта галерея неустанно пополнялась зарисовками провинци-

альных городов, причем великие архитектурные шедевры у Мавриной не отстранены от кипящей вокруг них будничной жизни — снующих вокруг людей, повозок, автомашин, от аляповатых, но по-своему занятных и выразительных ларьков, лавок, киосков — словом, ото всей «травы-муравы» человеческого бытования. Вечно «младая жизнь», если вспомнить пушкинскую строку, «играет» возле старинных храмов и башен, обнаруживая свое кровное родство с ними и вызывая у зрителя теплое чувство, добрую улыбку.

Этот «дневник художницы», как окрестил одну из мавринских выставок знаменитый историк искусства Игорь Грабарь, питает и ее замечательные иллюстрации к пушкинским сказкам: в «чудном городе со дворцом», воздвигнутом

князем Гвидоном, угадываются родные черты всамделишных российских городов.

Какое великое счастье, что вся эта ликующая радость бытия, озорная улыбочность, живописный блеск остаются с нами навсегда, что в музее личных коллекций открыт целый зал, посвященный творчеству покойной и собранной ею вместе с Н.Кузьминым коллекции русского народного искусства (прекрасные собрания работ художницы хранятся также в Третьяковской галерее, недавно организовавшей их выставку, и в музее Пушкина, что в Хрущевском переулке, кстати, тоже запечатленной Татьяной Алексеевной). Прощаясь с Мавриной, мы не расстаемся с нею.

Андрей ТУРКОВ.

Рисунки Т. Мавриной из «Загорского цикла».

